

УДК 329

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ

Фадеечева Марианна Альфредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
главный научный сотрудник,
доктор политических наук, доцент
Екатеринбург, Россия,
E-mail: fm366@uralmail.com

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению причин распространения языка вражды в обществах постмодерна. В ней показаны особенности повседневного бытия и их влияние на использование языка вражды в межэтнических и других межгрупповых коммуникациях. Намечены альтернативные сценарии развития дискурса и языка вражды.

Ключевые слова:

язык вражды, дискурс вражды, социальные стереотипы, социальные экспектации, общество всеобщей неприязни.

Выдающийся мыслитель, немецкий философ-экзистенциалист Мартин Хайдеггер (1889–1976 гг.) осчастливил мыслящую общественность бесподобным высказыванием, ставшим афоризмом: язык – дом бытия. Это высказывание приобретает особую значимость для современности; мир стал абсолютно логоцентричным: в информационном обществе говорят все и говорят всё. В языке объективируется самосознание субъекта. В процессе философского постижения сущности, особенностей и причин распространения языка вражды невозможно обойтись без мультидисциплинарного подхода, без использования знаний из области социолингвистики, социальной психологии и других наук, так или иначе связанных с проблемами языка и общества. Естественный язык или звуковой язык, сформировавшийся в процессе антропосоцио- и этногенеза как «непосредственная действительность мысли» (К. Маркс) имеет многообразно классифицированный ассорти-

мент важнейших функций. Некоторые из них очевидны и хорошо известны, в частности, информационная и познавательная, коммуникативная и регулятивная, – управления поведением. Однако менее известны, но не менее значимы такие функции как апеллятивная – функция побуждения к слушанию, фатическая – установление контакта со слушателем, эмотивная – выражение эмоций говорящего. Даже простое и неполное перечисление функций языка позволяет актуализировать уставшую истину, – какова жизнь, таков и язык; каков язык, такова и жизнь. Сложная жизнь постмодерных обществ характеризуется множеством субкультур и эклектичных субкультурных миксов, сверхвысокой скоростью социальных изменений, в том числе ценностей и норм морали. Все более усложняется социальная стратификация, смысл которой не может выразить ни каноническое деление общества на классы, ни известные стратификационные критерии, такие как доход, образование, власть

и престиж, но перманентно возникают новые существенные критерии, формирующие множественные идентичности.

В современном языке, в публичном дискурсе все более отражаются отношения, находящиеся в спектре от индифферентизма и равнодушия до недоброжелательности и вражды. «Вражда, – ы, ж. Отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью. *Непримиримая в. Питать вражду к кому-н.*» [3, с. 98]. Однако это не исключает наличия противоположных партикулярных отношений принятия, приязни и дружбы. «Дружба, – ы, ж. Близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов» [3, с. 176]. Враждебное отношение к чужим и дружеское отношение к своим, выраженное в языке, служило и продолжает служить ориентиром общественных отношений. Так, например, известен слоган времен СССР: «Пусть крепнет дружба народов СССР!». На языке искусства он воплотился в известном фонтане «Дружба народов», созданном по проекту архитектора К. Т. Топуридзе и открытом в 1954 г., который стал не только символом Выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ), но символом отношений дружбы между своими, трудящимися, и потому – братскими народами пятнадцати республик СССР.

Как говорится, конституции могут быть слепыми, но не немыми. Конституции представляют собой определенное послание власти о том, что должно. Конституция РФ имеет норму, содержащуюся в статье 29.2: «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» [2, с. 13]. Это значит, что Конституция РФ запрещает использовать язык вражды, так как соответствующие ненависть, вражда и превосходство возбуждаются, выражаются и распространяются посредством языка.

Несмотря на конституционные запреты, несмотря на народную мудрость, что худой мир лучше доброй ссоры, язык вражды успешно распространяется. Охватывая все более широкие слои населения, он становится привычным

языком индивидов и масс. Можно предположить, что особые условия человеческого существования, повседневной жизни людей приводят к возникновению и распространению языка вражды, являются его причинами. Имеются фундаментальные и прикладные исследования языка вражды [См., например: 1; 5; 6]. Проводимые в антропоцентрической парадигме, исходящие из гуманитарных соображений они, как правило, предлагают бороться с языком вражды. Однако, борьба собственно с языком вражды это – борьба со следствиями. Существенно то, что язык вражды употребляется в основном в сфере межэтнических отношений. Межэтническая напряженность, этнические конфликты, воплощенные в действиях, все более переходят на поле языков и символов.

Питательную почву для произрастания языка вражды имеет тип современного общества, – общества постмодерна, для которого, во-первых, характерна повышенная географическая мобильность, означающая увеличение числа миграционных потоков и количества человек, перемещающихся в географическом трансграничном или внутриграничном пространстве. Во-вторых, в нем произошел субкультурный взрыв, и далее с усилением межэтнических и кросскультурных коммуникаций субкультурные взрывы становятся перманентными. В-третьих, еще одной эксклюзивной особенностью общества постмодерна является релятивизм морали – быстрое изменение моральных ценностей и норм, и его следствие – моральный нигилизм, аморализм. Множество субкультур и плюрализм критериев социальной стратификации, отражающие сложность постмодерных обществ, отражаются во множестве, плюрализме систем моральных ценностей, которые иерархизируются в зависимости от специфики их носителей. Неопределенность морального дискурса, определение места той или иной системы моральных ценностей, попытки их ранжирования, поиски подлинной морали порождают в обществе постмодерна не только дискуссии, но и жесткие до жестокости споры по поводу того, «что такое хорошо, и что такое плохо».

Географическая мобильность имеет вполне определенные социальные последствия, которые носят преимущественно негативный

характер, что непосредственно отражается в языке. Превращение мигрантов из визуального меньшинства в значительную часть населения, интервенция мигрантской культуры и деформация привычного культурного ландшафта, девиантное и делинквентное поведение со стороны части мигрантов, использование мигрантами социальных услуг, дефицитных для автохтонного населения – это те бытийные основания, ставшие атрибутом повседневности, которые находят адекватное отражение в языке вражды. Язык вражды очень точно отражает особенности межэтнических отношений и связанные с ними негативные экспектации. Если этносы и этнические группы коренного населения имеют историческую привычку жить вместе, их отношения складываются относительно непротиворечиво, то полиэтническое коренное население имеет негативные социальные экспектации по отношению к новым мигрантам. Включенное наблюдение дает возможность предположить, что автохтонное население меньше всего неприятностей ожидает от мигрантов из дальнего зарубежья. Так, например, для РФ это – граждане Китая и Вьетнама. Большая тревожность связана с мигрантами из бывших республик СССР, особенно среднеазиатских и закавказских. Наиболее негативные экспектации связаны с гражданами РФ, внутриграницными мигрантами из республик Северного Кавказа. Закономерно, что с увеличением количества мигрантов негативные экспектации возрастают. В свою очередь, негативные социальные экспектации, иерархически выстраиваясь в зависимости от частоты контактов, особенностей культуры и мигрантского поведения, приводят к распространению и «повышению градуса» языка вражды.

Язык вражды, проявляется ли он в сфере межэтнических или иных отношений, в качестве «экономии мышления» использует и транслирует стереотипные представления. В сфере межэтнических отношений это – этнические стереотипы как упрощенные образы этноса, в других сферах это могут быть гендерные, возрастные и прочие субкультурные стереотипы как упрощенные образы соответствующей группы. При этом негативный смысл несут в себе гетеростереотипы, тогда как автостереотипы преимущественно выступают со знаком плюс. Неверифицируемость,

эмоционально-оценочный характер, невосприимчивость к новому, устойчивость и согласованность превращают социальные стереотипы в пространство распространения языка вражды.

Субкультурные взрывы в обществе постмодерна связаны не только и не столько с географической мобильностью, с многообразием вступающих в контакт этнических культур, но с большим количеством половозрастных, профессиональных, досуговых, потребительских и других, выделенных по значимым группобразующим основаниям. Чем больше социальных групп, тем больше языков, на которых эти группы говорят, тем сложнее находить язык межгруппового общения, тем больше возникает языковых барьеров в коммуникации, для преодоления которых требуются особые усилия со стороны участников коммуникации. В качестве защитного механизма начинает действовать внутригрупповой фаворитизм, предпочтение своей группы, как механизм межгруппового восприятия, который служит для поддержания группой своего позитивного образа и позитивной идентичности. При этом культура своей группы, включающая идеалы, традиции и обычаи, нормы и ценности, прочие феномены культуры признается естественной и правильной, более того, универсальной, то есть в силу своей естественности и правильности распространяемой с необходимостью на иные формы групповых субкультур. В то же время другие групповые субкультуры оцениваются как неестественные, неправильные, требующие исправления вплоть до уничтожения, описываются языком враждебным и воинствующим. Здесь в поле зрения исследователя входит нечто большее, чем язык вражды, а именно – дискурс вражды как способ означивания, интерпретации, репрезентации, порождения смыслов. «Дискурсы – важные агенты политической коммуникационной сети, выступающие в роли ретрансляторов, кодов и континуумов смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и прочих ментальных и виртуальных образований» [4, с. 26]. Дискурс вражды можно определить как специфический, проникнутый неприязнью и ненавистью способ означивания и интерпретации «чужого».

Сложно устроенная коммуникационная сеть, среди прочих, имеет эксклюзивные узлы,

производящие и транслирующие особые смыслы, выраженные в языке. Властный дискурс вражды включает в себя язык вражды. Можно предположить, что одним из дискурсивных атрибутов власти является создание образов врага или врагов, выраженных с помощью языковых средств. Образы врага и их языковой портрет могут ситуативно изменяться в зависимости от стратегических и тактических политических целей. Поддержание образа внешнего и/или внутреннего врага или врагов, как правило, служит средством консолидации нации. Здесь также включается механизм внутригруппового фаворитизма, где в качестве группы выступает часть человеческой популяции, оказавшейся в пределах той или иной государственной границы. Язык вражды воспринимается и распространяется в особых условиях, в которых менее всего развита демократическая политическая культура, где наиболее распространена конфликтная политическая культура. В медийном пространстве воспроизводится и распространяется властный и повседневный дискурсы вражды. Новостные программы, политические ток-шоу, ток-шоу на бытовые темы транслируют проникнутые неприязнью отношения, где максимальное проявление ненависти, выраженное посредством ненормативной, табуированной лексики «запихивается» с помощью звукового сигнала. Особый предмет для изучения распространения и функционирования языка вражды представляет собой общение в социальных сетях, где употребление языка вражды постепенно становится ведущим трендом, отражающим особенности бытия повседневности.

Бытовые трудности, такие как рост цен, обесценивание денежных накоплений, снижение заработной платы, безработица, дефицит товаров, рост различных платежей и тарифов, недоступность социальных благ, плохо развитая инфраструктура, агрессивная окружающая среда, неблагоприятные природно-климатические условия и т. д. провоцируют напряженные социальные отношения и актуализируют использование языка вражды. На языке вражды говорит «общество преодоления, для которого характерно наличие внешних и внутренних угроз, отсталая экономика, дефективная социальная сфера, низкий уровень потребления и бытовое варвар-

ство, а также пренебрежение жизнью индивида, игнорирование повседневности, ориентация на «светлое будущее», «тот свет», отсутствие стремления к успеху и личной перспективе. Это есть *общество всеобщей неприязни*. Этому типу общества присущи особые качества: нетерпимость к иному, непримиримость позиций, стремление не к истине, а к правде, жесткость и жестокость, бескомпромиссность, неспособность к совместным действиям, ксенофобия и ряд других аналогичных» [7, с. 205].

Рассмотрение проблем сущности, функций, особенностей языка вражды не является самоцелью. Самая интересная проблема, требующая особого изучения и ждущая своих исследователей это – проблема перспективы. Что дальше? Как будет развиваться язык вражды? Возможны различные сценарии развития дискурса и языка вражды. Можно предположить, что это – альтернативные сценарии, от реализации любого из них зависит самочувствие каждого члена общества и перспективы общества в целом. Первый сценарий это – тотальный дискурс вражды и распространение языка вражды. Второй сценарий – локализация дискурса вражды, маргинализация языка вражды. Выбор и осуществление сценария – это вопрос сознательного выбора политических акторов. Условиями выбора того, на каком языке говорить могут быть признаны преобладающие социальные предпочтения, изменение бытийных оснований и властная воля.

1. Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000. – 224 с.

2. Конституция Российской Федерации. – М.: Известия, 1995. – 64 с.

3. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.

4. Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // ПОЛИС. – 2006. – № 4. – С. 26.

5. Тощенко Ж.Т. Этнокрафия: История и современность. Социологические очерки. – М.: РОССПЭН, 2003. – 432 с.

6. Фадеичева М.А. Мигранты из Таджикистана: образ в зеркале СМИ // Этнопанорама. – 2010. – № 1–2. – С. 49–55.

7. Фадеичева М.А. Человек в этнополитике. Концепция этнонационального бытия. – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – 248 с.

1. Alpatov V.M. 150 yazykov i politika: 1917–2000. Sociolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva. – M.: Kraft+, Institut vostokovedeniya RAN, 2000. – 224 s.
2. Konstituciya Rossijskoj Federacii. – M.: Izvestiya, 1995. – 64 s.
3. Ozhegov S.I. i Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskix vyrazhenij / Rossijskaya AN; Rossijskij fond kul'tury. – M.: AZ», 1996. – 928 s.
4. Rusakova O.F., Maksimov D.A. Politicheskaya diskursologiya: predmetnoe pole, teoreticheskie podxody

i strukturnaya model' politicheskogo diskursa // POLIS. – 2006. – № 4. – S. 26.

5. Toshhenko Zh. T. E'tnokratiya: Istoriya i sovremennost'. Sociologicheskie ocherki. – M.: ROSSPE'N, 2003. – 432 s.
6. Fadeicheva M.A. Migranty iz Tadjikistana: obraz v zerkale SMI // E'tnopanorama. – 2010. – № 1–2. – S. 49–55.
7. Fadeicheva M.A. Chelovek v e'tnopolitike. Koncepciya e'tnonacional'nogo bytiya. – Ekaterinburg: UrO RAN, 2003. – 248 s.

UDC 329

EXISTENTIAL FOUNDATIONS OF HATE SPEECH

Fadeicheva Marianna Alfredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Principal researcher,
Doctor of Political Sciences,
Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: fm366@uralmail.com

Annotation

The article is devoted to analysis of the causes for the spread of hate speech in postmodern society. It shows peculiarities of everyday existence and their influence for using hate speech in the interethnic and the others intergroup communications. The author proposes two alternative variants of the development of discourse of enmity and of hate speech.

Key words:

hate speech, discourse of enmity, social stereotypes, social expectations, society of general dislike.